

Воссоздав сложную картину отношений Тургенева к Белинскому, Чернышевскому, Добролюбову, с одной стороны, и Боткину, Кавелину, Дружинину, с другой, А. Лаврецкий лишь мимоходом упомянул об идейных связях между Тургеневым и Герценом, преимущественно в плане их взаимной полемики. В действительности же идеи Герцена были одним из решающих факторов в творческом становлении Тургенева, определив во многом его понимание романтизма и Гете, его трактовку «лишнего человека» и общественно-политическую линию писателя в эпоху революционной ситуации, когда он «обличал» редакторов «Современника» в одном направлении с автором «*Very dangerous!*».

Однако эта недооценка герценовских традиций в значительной мере искупается широкой постановкой вопроса в статье, непосредственно посвященной Герцену и его роли в формировании эстетики реализма. «Воспринимая революцию во всем ее многообразии,— утверждает исследователь,— Герцен воспринял ее и эстетически, а в эстетику умел вдохнуть революционный дух» (стр. 147). Этой статьей, пожалуй, и следовало бы открыть сборник, призванный показать историю русской литературы как живое единство эстетических, нравственно-философских и революционных идей.

Характеризуя Герцена — критика романтизма и классицизма, интерпретируя суждения мыслителя о Шиллере и Байроне, Гете и Гейне, Ж. Санд и В. Гюго, проникая в исторические прозрения Герцена — пропагандиста революционного содержания творчества Пушкина, Лермонтова, Белинского, Гоголя, Тургенева, А. Лаврецкий стремится обнажить диалектическую природу герценовской мысли как основного качества реалистической концепции искусства. «Реализм Герцена,— подчеркивает он,— требует от искусства воспроизведения жизни во всей ее противоречивой сложности, воспроизведения ее как конкретного процесса, как развития» (стр. 162). Однако философскую основу этого реализма ученый усматривает лишь в материалистическом учении Герцена (стр. 156). Как и в книге «Эстетика Белинского», исследователь не свободен здесь от прямолинейного противопоставления принципов реализма эстетической теории Гегеля.

Прежде всего следует заметить, что к герценовскому воззрению на жизнь определение «материалистическое в своей основе» применимо с существенными оговорками². Помимо этого, своеобразие позиции Герцена в момент перехода от романтизма к реализму не может быть понято вне гегелевской концепции романтического сознания, данной в «Эстетике» и «Феноменологии духа»³. В ранних своих работах Лаврецкий подходил к генезису реалистической эстетики сложнее, указывая, что философия Гегеля, при всей ее идеалистической ограниченности, приводила «к укреплению реалистических тенденций»⁴.

Не отмечена в книге и близость к Гегелю некоторых позднейших литературно-эстетических суждений Герцена. Так, герценовское обличение буржуазной действительности, которая обезличивает искусство, изгоняя «художественный элемент в самой жизни», также связано (или во всяком случае совпадает) с гегелевской критикой буржуазного мира, противоречащего, по убеждению философа, общественной природе человека и искусства.

Эстетику Герцена Лаврецкий истолковал как высшее выражение в литературе революционности прогрессивного дворянства в его движении к революционно-демократической идеологии. Следующий шаг, приблизивший русскую литературно-теоретическую мысль к марксистско-ленинскому пониманию искусства, был сделан Чернышевским, эстетика которого представлена в сборнике как новый этап, связанный с «активным участием литературы в крестьянской революции» (стр. 242).

В статье о великом демократе Лаврецкий сосредоточил внимание на исторических заслугах Чернышевского-материалиста, имеющих непреходящее значение не только в истории русской и мировой литературной мысли, но и в современной борьбе с модернистским искусством и буржуазной эстетикой.

«Неподдельную оригинальность» решения Чернышевским основной проблемы эстетики Лаврецкий видит в том, что он пытался обосновать объективную природу прекрасного как собственную сущность жизни, как идеал ее революционного преобразования (стр. 211). В ряде существенных моментов Лаврецкому удается преодолеть риторизм Плеханова в оценке эстетики Чернышевского как «своеобразной смеси реализма с идеализмом»⁵, показать, что главным в деятельности Чернышевского — теоретика и критика литературы — был материалистический подход, свобод-

² «...В целом Герцен остался идеалистом в понимании общества», — справедливо подчеркивается в одной из новейших работ, восстанавливающих и развивающих оценку Герцена в статьях Плеханова и Ленина. См. А. И. Володин. Герцен и Гегель. В сб.: «Проблемы изучения Герцена». Изд-во АН СССР. М., 1963, стр. 115.

³ Эта концепция, — отмечает Л. Я. Гинзбург, — «послужила отправной точкой Герцену, автору „Дилетантов-романтиков“». См. Л. Гинзбург. Герцен и вопросы эстетики его времени. В сб.: «Проблемы изучения Герцена», стр. 131.

⁴ А. Лаврецкий. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. Гослитиздат, 1941, стр. 17.

⁵ Г. В. Плеханов. Соч., Госиздат, 1924, т. VI, стр. 288.